

УДК 130.2: 316.7

DOI: 10.17223/22220836/24/6

Ф.В. Наумов

ПРОБЛЕМЫ УТИЛИТАРНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ

Статья посвящена исследованию теоретических проблем реализации языковой политики современных государств с точки зрения анализа их этико-философских оснований. Критическому осмыслению подвергаются две основные теоретические компоненты утилитарного подхода в политической философии: проблема определения блага и принцип его максимизации. В работе рассмотрены аргументы, выдвинутые Дж. Ролзом и У. Кимликой против утилитарного подхода к языковой политике.

Ключевые слова: языковая политика, общественный договор, благо, мультикультурализм, утилитаризм, либеральная нейтральность.

Каковы место и роль государства в процессе регулирования отношений в мультикультурном обществе? Этот вопрос связан с известной проблемой роли государственного регулирования жизни общества, которая является одной из самых дискутируемых тем в политической философии начиная с XVI в. Сегодня некоторые сферы общественной жизни формально лишены активного государственного вмешательства, индивидам предоставлены широкие права. Так, например, большинство государств признают свободу совести, разрешая людям самостоятельно определять свою религиозную принадлежность и давая возможность в довольно широких правовых рамках проповедовать свое вероучение. Раньше представить себе такой уровень религиозной терпимости со стороны власти было просто невозможно, а тем более вообразить себе «государство без алтарей».

М. ван Кревельд связывает расширение функций государства с развитием бюрократии [5. С. 128]. Так, долгое время главными задачами государства было создание законов, объявление войны, сбор налогов, правосудие и чеканка монет. Однако к XVIII веку, по мере расширения государственных органов стали брать на себя новые функции, в том числе в области образования, здравоохранения, соцподдержки и пр. Как известно, до этого соцобеспечением, например, занимались местные самоорганизованные сообщества и церкви, но индустриальная революция привела к перемещению людей в города, и проблемы поддержки населения стали слишком сложны для местных обществ. С течением времени государство стало терять свои позиции, что связано с несколькими причинами, на которые указывает М. ван Кревельд. Во-первых, прогресс в вооружении и создание оружия массового поражения, что делает ненужными крупные территориальные расширения, а любую экспансивную политику невозможной. Во-вторых, истощение не восполняемых ресурсов и отсутствие адекватной альтернативы природному топливу приводит к значительному сокращению соцобеспечения населения, что существенно понижает значимость государства. В-третьих, из-за глобализации границы между государствами становятся все прозрачнее, а благодаря международ-

ным корпорациям все актуальнее становится не национальная, а профессиональная идентичность. В-четвертых, ввиду серьезных внешнеполитических проблем, таких как терроризм, все большую актуальность приобретают негосударственные охранные структуры, такие как частные армии и охранные агентства. Наконец, в-пятых, само отношение к государству сильно изменилось. Если в начале XIX в. Г.В.Ф. Гегель писал, что «государство – это звук шагов Бога, идущего по земле», то сегодня уверенно можно заключить, что государство растеряло кредит доверия перед обществом и воспринимается, скорее, как бездушная многоликая бюрократическая машина, которой нет дела до нужд людей.

Таким образом, можно сделать вывод, что с течением времени традиционные сферы государственного управления постепенно все сильнее дерегулируются из-за принципиальных изменений в обществе, все сильнее подтачивая авторитет государства как необходимого социального института. Это можно увидеть на множестве примеров дерегулирования: дорожного трафика, перинатальной медицины и фармацевтики, оборота гражданского оружия, местного самоуправления и пр.

По многим вопросам еще предстоит прийти к консенсусу, однако уже сейчас в связи с усилением сепаратистских настроений во многих регионах мира, в том числе и в России, необходимо понять, возможно ли регулировать языковое разнообразие иначе, ведь государство, как кажется, не самым удачным образом справляется с этим. Однако прежде необходимо рассмотреть распространенную практику языковой политики сегодня.

Языковая политика традиционно до сих пор остается в ведении государства, преимущественно из-за того, что она, помимо сугубо языковых вопросов, затрагивает ряд других, например межнациональные отношения, которые для большинства регионов мира остаются болезненными и трудно разрешимыми. Попытки тем или иным образом регулировать языковое разнообразие неизбежно приводят к конфликтам, поэтому государства очень осторожно и расчетливо вносят изменения в сложившиеся отношения по поводу использования языков.

Если взглянуть на языковую политику большинства государств, то можно уверенно сказать, что там, где она приобретает последовательный характер, она всегда опирается на определенную этико-философскую базу. Ее суть, говоря о языковой политике, в том, что государство рассматривает язык не только и даже не столько как средство коммуникации, но как средство построения идентичности. От государства к государству языковые политики, конечно, сильно отличаются, однако основа их остается неизменной – язык должен служить средством достижения определенных целей. Опираясь на классификацию, предложенную А. Паттеном, можно выделить, минимум два вида языковой политики: языковая политика одноязычия (или конвергенции) и языковая политика многоязычия (или мультилингвизма) [6. С. 365]. Обе эти модели языковой политики опираются на идейный фундамент философии утилитаризма, которая стремится, если говорить просто, увеличивать общественное благо. Следовательно, любая языковая политика сегодня стремится увеличить сопутствующие эффекты от реализации многоязычия или одноязычия. Собственно, вопрос коммуникации остается на втором плане. К та-

ким эффектам обычно относят увеличение социальной мобильности, создание единого пространства политического обсуждения и предотвращение внутригосударственных конфликтов на языковой или этнической почве, или той и другой. Нужно ли говорить, что абсолютное большинство государств активно влияют на эти процессы преимущественно путем обязывания и запрещения? Императивность языковой политики выражается в создании сводов нормативно-правовых актов и закреплении ответственности за их несоблюдение.

Однако у данного подхода есть ряд теоретических проблем, связанных в первую очередь с проблемами определения блага и его максимизации.

Говоря о понятии блага, необходимо начать с «проблемы заказа пиццы». Эта шутивная формулировка основана на тезисе У. Кимлики о том, что невозможно четко определить благо и потенциальные положительные эффекты от его достижения [1. С. 35]. У. Кимлика начинает с того, что пытается определить, что же в интуитивно понятном виде представляет собой идея блага? Сначала он обращается к определению блага как к получению удовольствия здесь и сейчас, что вполне в духе вульгарных комментаторов И. Бентама и Дж. Ст. Милля. При такой трактовке получается, что максимизация блага связана с постоянной стимуляцией организма, приводящего к удовольствиям, — «машиной удовольствия». Как ни странно, но полный аналог данного эксперимента был проделан Дж. Олдсом над крысами, которым в мозг вживляли электрод, стимулирующий центр удовольствия, как только крыса нажимала на рычаг замыкания тока. Является ли такая трактовка блага справедливой? Большинство скорее всего ответит нет, как и сам У. Кимлика.

Однако философ не отступает и предлагает расширить диапазон состояний сознания, включив в понятие блага не только удовольствие, но и страдание, переживание, томление, гнев, т.е. все то, что нельзя назвать приятным. Реконструированная машина, которая теперь называется «машина переживаний», демонстрирует тот же принцип работы, но с тем отличием, что обеспечивает весь спектр состояний сознания при стимуляции. Подходит ли данное определение теперь? Строго говоря, любой наркотик может вызвать целую гамму переживаний, однако мало кому придет в голову назвать наркоманию благом.

У. Кимлика соглашается с этим и переходит к наиболее продуманной трактовке, которая предполагает благом все, что соответствует нашим предпочтениям. Таким образом, понятие «благо» означает, что недостаточно просто симулировать спектр переживаний от, например, написания стихов, но нужно предоставить условия, в которых будет возможно писать стихи и получать от этого все возможные переживания. Именно здесь и появляется «проблема заказа пиццы», и суть его в следующем. Предположим, у нас есть общество, состоящее из пяти человек, которые решают, что им хочется заказать. Следуя принципу увеличения полезности, о котором будет сказано ниже, если хотя бы трое из пяти хотят заказать пиццу, а остальные китайскую еду и сэндвичи, они должны будут заказать пиццу на всех. Итак, пицца доставлена и начинается ужин. И вдруг выясняется, что пицца по неизвестной причине отравлена или протухла. Это, очевидно, испортит впечатление от вечера как минимум. Как максимум это даст некорректное представление о

блага, потому что не был учтен один важный аспект – возможность оценить последствия своего решения. Нельзя ведь сказать, что 100% заказов будут успешными и что какая-нибудь отравленная/несвежая пицца не попадет на стол. Тогда, в попытке решить данную проблему придется дополнить понятие блага как удовлетворения предпочтения рациональной предпосылкой выбора.

К великому сожалению, это не очень помогает. Дело в том, что теперь понятие блага должно подразумевать возможность человека или группы людей делать рациональные, т.е. с минимальной погрешностью обдуманные, выборы каждый раз. И если в случае с пищей можно предположить хотя бы минимальный шанс того, что можно быть уверенным в ее качестве, то в случае с общественным благом нельзя сделать никаких более или менее достоверных прогнозов. Непонятно, следовательно, как бы себя повела полностью информированная о благе личность при совершении того или иного действия. Так, например, каким образом можно понять, какая из гендерных ролей является полностью соответствующей благу личности, а не просто его привычкой? Какая религиозная точка зрения должна быть принята в качестве блага, если точно неизвестно, рационален ли ее выбор или это просто сложившаяся традиция – исповедовать определенные взгляды? Кроме того, проблема усугубляется, при попытке сравнить два несоизмеримых блага: например, успешная карьера или романтическая любовь. В данном случае нет надежного рационального метода сопоставить их или сложить.

Переводя данную проблему в плоскость языкового разнообразия, получим, что нельзя заранее сказать, какая из языковых политик соответствует рациональным предпочтениям, а какая просто результат исторически сложившейся практики языкового планирования. Так, если предположить, что одноязычие определенно способствует единству, то как быть с многочисленными протестами по поводу неприятия языковой политики, например, в Прибалтике? Следовательно, никогда нельзя быть уверенным в том, какой даст эффект то, что принято называть «благом», и столь желанные сопутствующие цели языковой политики могут просто не сработать. Очевидно, что для «включения» того или иного эффекта требуется гораздо больше, чем стандартные правовые декларации законов о государственных языках.

Проблема справедливости тезиса об увеличении блага связана с тем, о чем говорил Дж. Ролз в своей знаменитой работе «Теория справедливости» [3. С. 128]. Занимаясь проблемой справедливого распределения общественных благ, он прибегнул к мысленному эксперименту – абстрактному общественному договору между членами некоторого абстрактного же общества. Суть эксперимента заключалась в следующем: если с самого начала предположить, что никто из членов общества не знает своего социального положения и своих личных качеств и, следовательно, никто из них заранее не объединен в группы, то каждый член общества проголосует за максимальную свободу и независимость в отношении каждого, опасаясь, что, утвердив неравенство, сам может оказаться в дискриминируемой группе. Кроме того, люди также скорее всего договорятся о поддержке тех членов общества, которые в силу природных особенностей, например, будут лишены объективной возможности получить доступ к большинству социальных благ (речь

может идти, например, об инвалидах). Таким образом, в результате получаем такое общественное устройство, которое максимально расширяет меру возможного поведения для его членов и создает нейтральное в моральном плане государство. Более того, в таком обществе невозможна идея об увеличении блага, потому как в случае ее принятия существует очень большая вероятность того, что во имя коллективного блага правомочия меньшинства будут пренебрегать.

Если адаптировать данный тезис к проблеме языкового разнообразия, то получается, что каждый член общества, не знающий, в каком языковом коллективе он окажется, проголосует за равноправное возможное представление всех языковых коллективов вообще. Это означает, что государство, когда оно будет учреждено, останется нейтральным ко всем языковым коллективам, не создавая для каких-то из них привилегированного положения. Интуитивная справедливость данного утверждения целиком опирается на справедливость предположения Дж. Ролза о гипотетическом договоре в состоянии неведения, которая, несмотря на свою неординарную трактовку, довольно точно отражает типичную ситуацию, взятую из теории игр, а значит, достаточно обоснована.

Таким образом, создание механизма государственного регулирования языкового разнообразия, который бы «обходил» данные проблемы на практике маловероятно. Из этого беглого анализа оснований большинства языковых политик следует, что скорее всего необходимо попытаться сформулировать альтернативную теорию языковой политики, которая бы как минимум не сталкивалась с теоретическими трудностями такого масштаба. И такой вариант, как представляется, может быть сформулирован. Он заключается в применении интуитивных выводов теории гипотетического договора Дж. Ролза с сознательным отказом от какой угодно модели языковой политики, основанной на достижении определенных результатов, признаваемых за благо. Пока трудно сказать, как конкретно будет реализована данная альтернатива, но можно обрисовать некоторые ее основные положения.

Так, во-первых, ни один из языков на территории некоторого региона не должен отождествляться с идентичностью иного рода, будь то этническая, национальная, религиозная или любая другая. Это позволит рассматривать язык не как инструмент воздействия и различных политических спекуляций, но как инструмент коммуникации (чем он фактически и является). В данном случае исчезает традиционная утилитарная «погоня за благом».

Во-вторых, государственное регулирование языковой политики должно быть заменено на местное регулирование, что означает возможность формировать языковое разнообразие «снизу», исходя из коммуникативных потребностей людей в каждом конкретном регионе. Данное допущение призвано устранить недовольство людей государственной политикой поощрения одних языков и языковых коллективов по сравнению с другими, что, в частности, порождает проблему диглоссии. Касаясь данной проблемы, А. Цветков в статье «Кому принадлежит язык?» говорит о том, что до сих пор существует проблема навязывания языковой нормы. Он же говорит, подчеркивая важность языковой политики «снизу»: «В отсутствие правил языка нет, но это совсем не значит, что правила должны исходить из единого центра. Английский язык в этом смысле – лучший пример и доказательство» [4].

Наконец, в-третьих, ни один язык или языковой коллектив не может находиться в привилегированном положении. Речь идет о том, что языковое равенство должно устанавливаться между всеми актуальными языками вообще. На практике это означает, например, что, если на местном уровне с течением времени сформируется определенная языковая группа, которая исторически никогда не проживала в данном регионе, и если она будет активно участвовать в жизни местного сообщества, никакого дискриминирующего воздействия на нее не должно оказываться. Более того, необходимо будет устраивать процесс коммуникации таким образом, чтобы они могли участвовать в организации жизни сообщества наравне с другими, что будет подтверждать тезис об открытости сообществ и границ, о котором постоянно пишет Ч. Кукатас [2. С. 25]. Нужно отметить, что данное положение относится к дискуссионным, и в этом направлении, конечно, необходимо размышлять далее.

Подводя итог, нужно согласиться с тем, что подобная радикальная точка зрения на языковую политику многих может не устраивать. Предвкусная весь спектр критических замечаний, можно выделить наиболее болезненное для России: подобная языковая политика лишает и без того плохо интегрированное сообщество людей важнейшего средства идентичности в виде русского языка. В рамках национально ориентированного сознания потеря обязательной регламентации русского языка может существенно подорвать целостность государства и усилить местный сепаратизм. Однако, прекрасно понимая логику данной критики, можно попытаться, например, обратиться к опыту других государств, в частности США, где в отсутствие явной языковой политики, направленной на одноязычие или многоязычие, США тем не менее продолжают сохранять целостность, несмотря на то, что изначально это очень неоднородное в языковом плане государство. Дело в том, что американскую идентичность формируют другие механизмы, не связанное с языком, например гражданственность. Кроме того, в свете ранее сказанного о роли и месте государства сегодня можно предположить, что дерегулирование языковой политики может явиться очевидным следствием процесса утраты государством своего бывшего влияния и вполне соответствовать духу времени, когда самые традиционные области человеческих взаимоотношений все сильнее выпадают из юрисдикционных рамок отдельных государств и становятся делом частного выбора или международного сотрудничества.

Литература

1. *Van Creveld M.* The rise and decline of the state. Cambridge: University Press, 1999. 439 p.
2. *Patten A.* Liberal neutrality and language policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf> (дата обращения: 29.09.2016).
3. *Кимлика У.* Современная политическая философия : введение / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
4. *Роулз Дж.* Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск : НГУ, 1995. 535 с.
5. *Цветков А.* Кому принадлежит язык? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2303-Komu-prinadlezhit-yazyk> (дата обращения: 29.09.2016).
6. *Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг : Теория разнообразия и свободы / пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. Куряева А.В. М. : Мысль, 2011. 482 с.

Naumov Philip V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: c_d90@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 61–67 pp.

DOI: 10.17223/22220836/24/6

PROBLEMS OF UTILITARIAN APPROACH TO LANGUAGE POLICY IN MULTICULTURALISM

Key words: language policy, the social contract, the good, multiculturalism, utilitarianism, liberal neutrality.

The organization co-existence of people living in a situation of de facto multiculturalism is a complex problem. Effective language policy, of course, is the most important factor in the stabilization and development of a multicultural society. The state's role in this process is enormous, but many successful examples of deregulation of public policy in other spheres of social life raises the question: is it possible to reduce state intervention in the regulation of the life of a multilingual society? Is the state language policy an adequate mechanism for the harmonization of social space?

Examining the implementation of the language policy leads to the fact that it is based on the utilitarian philosophical and ethical component, which includes two main elements: a certain interpretation of the good and rule to increase goods. Because of these reasons, it requires the active role of the state in the implementation of the language policy as well. However, a critical look at this ethical and philosophical positions is conclude to are fundamental difficulties in determining the good, as well as its principle of maximization. Consequently, the role of state in the implementation of language policy at least exaggerated.

For example, we can define the concept of good in several ways, but none of which can not be considered satisfactory. In fact, the perfect form of such a determination requires the ability to make a rational choice when you are try to define a particular good. However, to say unequivocally which of the actions taken or events is good for the individual and society is impossible. Consequently, in case of language policy is impossible to determine what form of organization of linguistic diversity promote the public good.

The principle of maximization of goods is also in doubt. If we accept that there is no universal concept of good for the whole society, the principle of it maximization will be unavoidable in practice infringe the rights of the minority. Using the methodology proposed by John. Rawls, it is possible to conclude that the state needs to remain neutral with respect to any conception of the good, and therefore, must minimally regulate social relations, including in the case of language policy.

Thus, because of the analysis of the identified problems we must acknowledge the dominant model of implementation of language policy contradictory, which implies the need to develop an alternative model, involving state deregulation and expansion of individual and collective rights.

References

1. Van Creveld, M. (1999) *The rise and decline of the state*. Cambridge: University Press.
2. Patten, A. (2003) Liberal neutrality and language policy. *Philosophy and Public Affairs*. 31(4). [Online] Available from: <https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf>. (Accessed: 29th September 2016).
3. Kymlicka, W. (2010) *Sovremennaya politicheskaya filosofiya* [Contemporary political philosophy]. Translated from English by S. Moiseev. Moscow: HSE.
4. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Tsvetkov, A. (2016) *Komu prinadlezhit yazyk?* [Whom does the language belong to?]. [Online] Available from: <http://www.inliberty.ru/blog/2303-Komu-prinadlezhit-yazyk>. (Accessed: 29th September 2016).
6. Kukatas, Ch. (2011) *Liberal'nyy arhipelag: Teoriya raznoobraziya i svobody* [A Liberal Archipelago: The theory of diversity and freedom]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: Mysl'.